

"Мы – современники сражений дотоль неслыханной войны"¹
(Занятие-выступление учащихся
к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.)
Чурсина Ольга Сергеевна, педагог-организатор (руководитель музея)

Жанр: литературно-музыкальная композиция

Цели занятия/выступления:

1. Познакомиться с творчеством В.Д.Берестова периода 40-х годов (произведениями написанными в этот период или об этом периоде).
2. Привлечь материал из разных источников разных авторов для того, чтобы избежать однобокого представления материала.
3. Понять, как история страны преломляется и отражается в творчестве поэта.

Подготовка к занятию/выступлению:

1. Создание сценария по дневникам и воспоминаниям В.Д.Берестова, В.И.Прохоркина (друга детства В.Д.Берестова), Э.Г.Бабаева.
2. Кастинг (отбор) учащихся на роли и репетиции выступления.
3. Подготовка информационных буклетов, афиши и других материалов.

Оборудование:

1. Заставка к выступлению - презентация Power Point.
2. Музыкальная композиция: Песни В.Д.Берестова (слова и музыка) «Эшелоны, 1941» и «Повестка после победы». Есть ноты песен, и есть записи песен в исполнении В.Д.Берестова.

Примечание:

1. Непосредственно для выступления были написаны ноты, по которым исполнялся аккомпанемент для выступления вживую – учащиеся исполняли песни В.Д.Берестова.
2. Можно использовать запись в исполнении В.Д.Берестова на CD-диске.

Премьера: 05 апреля 2010 года во время мероприятий, связанных с открытием музея.

Хронометраж: 30 минут.

Действующие лица: 15 человек

ВЕДУЩИЕ (диктор) 2 человека.

БЕРЕСТОВ (ИЛИ ЧТЕЦЫ СТИХОТВОРЕНИЙ) 4 человека.

АХМАТОВА

ЛУГОВСКОЙ

БАБАЕВ

ИСПОЛНИТЕЛИ ПЕСЕН – 6 человек.

Требования к декорациям: В ходе показа декораций не было. Но возможно использовать предметы быта (бутафорию или подлинники) периода 40-х годов, или предметы, отражающие колорит востока (Узбекистана), где проходит основное действие.

---

¹ Первая строчка одноименного стихотворения, написанного в 1943 г. Валей Берестовым, которое ходило в списках по г.Ташкенту и принесло первую славу начинающему поэту.

ДИКТОР: Война застала Валентина Берестова в г.Калуге, ходил в школу, ему было 13 лет. С первых дней войны Калуга стала менять свое лицо. Из магазинов исчезли соль, сахар, мыло, керосин. Другой приметой войны стали кресты на окнах:

Полоски из бумаги мать резала красиво.

И чтоб волна взрывная окно не разнесла,
Наклеила крест-накрест, чтоб ровно, чтоб не криво
Полоски прилипали к поверхности стекла.

ДИКТОР: Новости с фронта были всё тревожнее и тревожнее. Вот тогда и появились в Калуге первые беженцы из Белоруссии:

Не по-русски, а вроде по-русски.
Необычен распев голосов.
Белоруски они, белоруски –
Из лесов. Из горящих лесов.
Гром войны. Громыханье телеги.
Разбомбленный, расстрелянный шлях.
И на скорую руку ночлеги
В стороне от дороги, в полях.

ДИКТОР: На фронт уходили все новые и новые мужчины. Возле военкомата стояли толпы добровольцев. Семья Берестова ждала, когда дойдет очередь воевать Дмитрию Матвеевичу.

Сладок чаек, а на лицах печали печать.
Что ж не приходит рассылный повестку вручать?
Может, и с этой, как с первой войны мировой
Или с гражданской, отец возвратится живой.

Нитки. Иголлка. Опасная бритва. Блокнот.
Сборы и вправду недолги в далекий поход.
Выйдет пехота планету спасать и страну.
Как на работу, собрался отец на войну.

ДИКТОР: Скоро у всего города на слуху было слово «эвакуация». Берестовы собрались первыми. Они уезжали в Ташкент, где у его матери Зинаиды Федоровны проживала двоюродная сестра.

...[Эшелоны, 1941]

С милым домом разлученные, В горьком странствии своем Пьем мы только кипяченую, На чужих перронах пьем. На чужих перронах пьем. Было нам в то время грозное Чем залить свою тоску. Эх ты, царство паровозное! Сколько хочешь кипятку. Сколько хочешь кипятку. Погодите-ка, товарные!	Погодите, пассажирские! Сядьте, дети, на траву. Воевать полки сибирские Мчат курьерским под Москву. Мчат курьерским под Москву. Командиры осторожные Маскировку навели. Эх, березоньки таежные, Далеко ж вас увезли. Далеко ж вас увезли. Паровоз рванет и тронется, И вагоны полетят.
---	---

Пей, бригада, кипяток. Пропустите санитарные Эшелоны на восток. Эшелоны на восток.	А березки как на Троицу, Как на избах шелестят. Как на избах шелестят, шелестят, шелестят
<p>ДИКТОР: Ташкент – город хлебный, но, приютив бежавших от войны европейцев, он был не в состоянии их прокормить. В общей сложности в эвакуацию в Узбекскую ССР прибыло около 1 млн. человек.</p>	
<p>АХМАТОВА: «В те жестокие годы в Узбекистане и других республиках Средней Азии можно было встретить людей едва ли не всех национальностей нашей страны. На одном заводе или на одной съемочной площадке вместе работали русские и белорусы, молдаване и украинцы, поляки и узбеки, литовцы и греки, курды и болгары. А сколько детей-сирот из захваченных немцами республик обрели своих новых родителей в Средней Азии! В Узбекистане, например, и без того многодетные семьи, и они усыновляли, удочеряли русских, белорусских, украинских, молдавских, греческих сирот, давали приют беженцам, делились с ними последним куском хлеба, сахара, последней пиалой плова или молока», - писала в своих воспоминаниях Анна Ахматова.</p>	
<p>ДИКТОР: В годы войны на Среднюю Азию пришелся основной поток гуманитарной, говоря современным языком, эвакуации. Научные институты, музеи, театры, киностудии в организованном порядке переводились на юг, где, как и промышленные предприятия, в самые сжатые сроки возобновляли свою деятельность.</p>	
<p>ЛУГОВСКОЙ: Здесь столько горя, что оно ничтожно, Здесь столько масла, что оно всеильно. Молочнолицый толстобрюхий мальчик Спокойно умирает на виду. Идут верблюды с тощими горбами, Стрекочат белорусские еврейки, Узбеки разговаривают тихо. О сонный разворот ташкентских дней!... Эвакуация, поляки в желтых бутсах, Ночной приезд военных академий, Трагические сводки по утрам, Плеск арыков и – тополиный лепет, Тепло, тепло, усталое тепло... - [писал Владимир Луговской в своей поэме «Середина века»]</p>	
<p>ДИКТОР: Берестовы голодали. Жизни Вали угрожала опасность - он мог умереть голодной смертью, и если бы не вмешательство Чуковского и других влиятельных лиц, то неизвестно, чем бы всё закончилось.</p>	

Мне четырнадцать лет, а ему шестьдесят.
Он огромен и сед, и румян, и носат.
Он о сыне скорбит, я грущу без отца.
Май цветет. А войне все не видно конца.
Осторожно мою он решает судьбу
И тревожно глядит на мою худобу.
Завтра утром меня он помчится спасать.

А пока он покажет, как надо писать,
И прочтет мне стихи, что великий поэт
Сочинил про любовь двадцати семи лет,
Вспомнит то, что меня еще ждет впереди.
О поэзия! Души людей береги,
Чтоб нашли в тебе силы и общий язык
Этот хилый мальчишка и крепкий старик.

БЕРЕСТОВ: К нам в школу Чуковский пришел не с «Айболитом» и не с «Мойдодыром». Это удивило нас.... В нашей школе Чуковский вспомнил издательство «Всемирная литература». (Т.2.С.173)

БЕРЕСТОВ: Был последний день сорок первого года. Приближалась новогодняя ночь без елок, угощений и даже без снега.... лицо Чуковского было усталым и скорбным. Мы не знали, что один из его сыновей в это время защищал осажденный Ленинград, а другой погиб в московском ополчении. (Т.2.С.172)

По нетающему снегу, по блистающему льду,
Как по детству, как по счастью, тосковал я в том году.
Горный ветер, южный город, птицам северным приют.
Кабы к голоду да холод, я б, наверно, умер тут.
Был декабрь без снегопада, без мороза Новый год.
И зима была сиротской во спасение сирот.
В башмачищах из брезента, в тюбетеечке пройду
По военному Ташкенту в наступающем году.
Вспомню елки да березы, попирая и браня
Ты, без снега и мороза, зиму, спасшую меня.

ДИКТОР2: А зимой 1942 года БЕРЕСТОВ увидел Алексея Николаевича Толстого на сцене Ташкентского театра оперы и балета. Литературный утренник, устроенный, кажется, для эвакуированных детей.

ЭДУАРД БАБАЕВ: В то время Алексей Толстой представлялся мне писателем с головы до ног. Он был так похож на самого себя, что было иногда как-то неловко смотреть на него, потому что это был не только портрет знаменитого писателя, но и как бы шарж на него. Он придавал большое внимание жесту...

ДИКТОР: Позже, уже в Москве, Берестов будет какое-то время жить у Толстого и напишет о нём воспоминания.

Отец мой! Ты не шлешь известий
Уж целый год семье родной,
Но дни, когда мы были вместе,
Во сне встают передо мной.
И оживает прожитое: камыш и даль родной реки,
И ты, склонившись над водою,
Глядишь устало в полавки.

БЕРЕСТОВ: «За четыре месяца 1942 года я из мальчишки превратился по виду в маленького старика и был занят только чтением да стихотворством. Так и не пойму, спасало ли меня тогда стихотворство или, наоборот, высасывало из меня последние силы. Никогда потом я не предавался сочинительству с таким упоением и никогда так сильно не мечтал о славе, о власти над человеческими душами, считая себя избранником, будущим Лермонтовым, чьи отроческие сочинения изо дня в день перечитывал и, поглядывая на даты, ревниво сравнивал со своими.

«А вдруг это не так?» - вот чего я больше всего боялся, собираясь на встречу с Чуковским. (Т.2.С.174)

ДИКТОР 2: В мае 1942 года в читальне Ташкентского дворца пионеров появилось объявление о предстоящей встрече читательского актива с писателем-орденоносцем К.И.Чуковским. В программе – чтение и обсуждение его новой сказки. Сказка была о войне. Бармалей с самолета обстреливал беззащитных детей. Айболиту приходилось туго. Но вот враги разбиты, и по всем «чуковским» правилам начинается пир на весь мир. Пируют дети. С неба на них сыплется виноград и всевозможные сласти.

И ребята две недели
Ели, ели, ели, ели
И с набитым животом
Завалились под кустом,
А потом давай сначала
Наедаться до отвала.
Да и то еще много осталось
Леденцов и орехов не съеденных!

БЕРЕСТОВ: В упоительном перечислении яств и лакомств не было никакой бестактности по отношению к нам, детям 1942 года. Мы слушали без голодного вождения, словно речь шла не о еде, а о каких-то сверкающих драгоценностях (Т2.С175).

ДИКТОР: После выступления Чуковский заходит в дверь флигеля, возвращается оттуда, большими шагами шествует мимо Берестова. Валя бежит, догоняет дергает его за рукав.

Это была встреча, которая изменила жизнь Валентина. Он протянул свою тетрадку со стихами. Корней Иванович читал и комментировал их, а после предложил придти автору к нему домой на следующий день.

БЕРЕСТОВ: Но я не решился прийти ни завтра, ни послезавтра, я хотел написать что-нибудь такое, с чем не стыдно появиться у Чуковского. А там наш класс услали под Янги-Юль на прополку хлопка, и думал, что Корней Иванович, видимо, насовсем уехал в Москву, теперь я его больше не увижу.

А как мы фронту помогали?
Что тут ответить? Мы пахали.
А кто поменьше, те пололи
В сибирском ли, в узбекском поле.
Земной Вам поклон, сорняки,
Цепки корешки
Поле без нас не скучало,
Поле без нас одичало.
Жизни слепая сила
Над ним сорняки возносила,
Диким взошла урожаем,
Который мы уничтожаем,
Розовый лес обнажаем.
А за нами тянутся робко
Красноногие кустики хлопка,
Благородные, чуть живые
И увиденные впервые.

БЕРЕСТОВ: Болезнь моя обострилась. Колхозный врач, поляк из Люблина, обнаружил пеллагру.

*Как пышен юг!
Как странно голодать,
Когда вокруг
Такая благодать!*

БЕРЕСТОВ: Как-то вечером, поев, вернее, попив мучной затирухи (ее варили на очаге в больших черных казанах), я лежал на кошме под тростниковым навесом. Тут подошел кто-то из старших и сообщил ошеломляющую новость: меня срочно вызывают в Ташкент, мои стихи передавали по радио.

В извечной смене поколений судьбой гордиться мы должны.
Мы – современники сражений дотоль несслыханной войны.
И хоть удел наш – боль разлуки, хоть нами кинут край родной,
Хотя гнетёт нас бремя скуки и серость жизни тыловой,
Хоть больно в лицах изможденных найти глубокие следы
Голодных дней, ночей бессонных, забот вседневных и нужды,
Хоть тяжело однообразье железных дней перенести
И возмущаться этой грязью, повсюду вставшей на пути:
Тем духом мелкого расчета, трусливой жаждой барыша,
Когда под маской патриота скрывают рыло торгаша,
Когда на складах, в ресторане вор верховодит над вором
И в государственном кармане свободно шарят, как в своем,
Когда с досадой, даже злобой пришедших с просьбой помочь
Администратор твердолобый привычным жестом гонит прочь,
Когда, себе готовя смену, калечат матери детей
Привычкой к торгу и обмену, и суете очередей, -
Хоть нас гнетет необходимость, но всё мы вынести должны.
Пора понять неповторимость, величье грозное войны,
Неповторимы наши муки, и испытанья, и нужда,
И вспоминая, скажут внуки: «Зачем не жили мы тогда?»
А мы пройдем, хоть путь наш труден, терпя, страдая и борясь,

Сквозь серый дождь тоскливых буден, сквозь голод, холод, скорбь и грязь.

БЕРЕСТОВ: Тут же я двинулся на станцию, не помня себя от волнения, прошагал двадцать километров. Начиналась какая-то новая, непонятная жизнь.

ДИКТОР 2: Оказалось, виноват во всем Чуковский. Перед отъездом в Москву он занимался делами Валентина Берестова. Побывал во Дворце пионеров и посоветовал, чтобы меня (его) непременно вовлекли в литературный кружок, где я (он) мог бы подружиться с пишущими ровесниками. Был на радио и сказал, что у одного мальчика из Калуги есть стихи о войне, которые должны услышать дети и взрослые.

Теперь-то вы, Корней Иванович,
Не опасаясь мрачных снов,
Могли б меня увидеть на ночь.
Я снова молод и здоров! - докладывал Берестов оттуда. После санатория его долечивали в больнице.

БЕРЕСТОВ: Позже, в Москве, Чуковский не говорил мне, что ходил к властям Узбекистана, к самому Усману Юсупову – Первому, хлопотал за меня, беженца-дистрофика, вместе с Алексеем Толстым. И тот этого не вспомнил. Об этом я узнал лишь из примечаний к моим стихам в «Чукокколе». Таким образом, я обязан Чуковскому еще и жизнью.

Это ты виновен, что в починке
Я пробыл среди больничных стен,
Получил зелёные ботинки,
Гимнастёрку, брюки до колен,
Щёголем с какой-нибудь картинки
Стал я после долгих перемен.

БЕРЕСТОВ: И жизнь налаживалась. Меня с помощью Чуковского подкормили, вылечили, одели, обули, зачислили в литкружок и вместе с юными художниками, и двумя школьниками, писавшими стихи и прозу, – Эдиком Бабаевым и Зоей Тумановой передали в Центральный дом художественного воспитания детей. Там дали нам карточки в столовую, 200 рублей стипендии и двух преподавательниц.

ДИКТОР 2: Одна из них – Лидия Корнеевна Чуковская, румяная, с юными сияющими близорукими глазами, но совсем седая. Ученики не знали, что ее мужа расстреляли, а брата убили на фронте. Она занималась с ними литературоведением.

Другая преподавательница – Надежда Яковлевна Мандельштам. В кожанке, носатая, быстрая, с вечной папиросой во рту. Похожа на нестарую и скорее добрую Бабу Ягу. В

пустом классе она усадила нас троих за столы: «Ну, вундеркинды проклятые! Поэтов из вас не выйдет. Но я обязана заниматься с вами, а то останусь без карточек на хлеб и зарплаты. Получать их зря не хочу. Кем бы вы ни стали, иностранный язык вам не помешает». Глядим на нее с обожанием. Вот это педагог!

ДИКТОР 2: Как-то Надежда Яковлевна повела Валентина Берестова к себе с тайной целью – познакомиться с одним юношей. В свое время Ахматова перетащила Надежду Яковлевну в Ташкент и поселила в своей беженской лачуге, в доме, где жил и сын Цветаевой прозванный матерью Муром. Ради него его и позвали. Но Мур на этот раз не пришёл. Потом они подружились сами, в литкружке.

БЕРЕСТОВ: 28 марта 1943 года я записал в дневник: «Первый раз был у Ахматовой. Комната-«копилка» на втором этаже, с наружной лесенкой. Читал ей стихи. Очень сдержанно похвалила.

О счастье – на рассвете юных дней
Сместить Ахматову, смеяться вместе с ней!
«Нет, совести не видно в вас ни капли.
Ведь я – Ахматова, не Чарли Чаплин.
Прочтите обо мне в энциклопедии.
Я склонна к пессимизму и трагедии».
Тут с Чаплином особенная связь:
В один и тот же год она с ним родилась.
Смех, как и плач, тут просто неизбежен.
И поводы для них одни и те же.

БАБАЕВ: Чуковский сказал: «Вам надо записаться в большую хорошую библиотеку». Однако: Оказывается, школьников в публичную библиотеку не записывают... И вдруг мы оба получили пропуск в фундаментальную библиотеку при университете. Спасибо Корнею Ивановичу. Он нас не забыл. И мы как-то сразу выросли, по крайней мере в своих глазах, когда стали завсегдаемыми университетского читального зала.

ДИКТОР 2: Судя по дневнику, ВАЛЕНТИН много читал, записывал, переписывал, учил английский, сочинял стихи и прозу, общался с людьми, при которых всегда надо быть собранным, наполненным. Да и в школу бегал иногда.

ИЗ ДНЕВНИКА БЕРЕСТОВА: «Сегодня с утра забегался. Был на эвакуопункте, получил 100 г. яичного порошка и сушеную дыню. Это к отъезду...

Две пачки яичного порошка,
Да двадцать четыре коротких стишка
Про детство, войну и весну.
Москва. Вот и я потянулся туда.
Там нового Пушкина ждали тогда.
Ну, значит, я тоже блесну.

БЕРЕСТОВ «...Ко дню моего рождения Анна Андреевна подарила мне блокнот». Блокнот в серой обложке был по тем временам царским подарком сначала от кого-то Ахматовой, а потом от нее – мне. Те стихи я печатаю до сих пор.

Вот так идти бы снова
В распахнутых пальто,
Шарахаясь от рева
Мелькнувшего авто,
Остричь и лезть из кожи,
Чтоб всех переорать,
Расталкивать прохожих,

Путей не разбирать.
О этот звонкий вечер,
Когда и черт не брат!
Всегда б такие встречи,
Такие вечера! – [сочинял Берестов про свои веселые шатания с Бабаевым по Ташкенту.]

ДИКТОР 2: В ночь на 1 апреля 1944 года Валентин с Эдиком, Ахматовой и Мандельштам отмечали его 16 лет. Надежда Яковлевна в тот вечер решила больше не ставить отметок за стихи: «Валентину и Эдику ничего советовать нельзя, все зависит от судьбы». Уроки ее закончились, а дружбы не вышло. Да и оставалось на нее три дня! А ведь Надежда Яковлевна собственноручно переписала для Валентина на твердой серой бумаге «Поэму без героя» Ахматовой.

ДИКТОР 2: 4 апреля 1944 года Валентин Берестов с рекомендательными письмами от Ахматовой и Мандельштам уехал из Ташкента.

[ПОВЕСТКА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ]
Окончилась война! Окончилась война!
А нам с тобой повестка вручена.
Мир не видал врачей таких веселых,
Как эти окулист или ушник,
Как этот балагур-невропатолог.
А тот хирург с медалью? Вот шутник!
Окончилась война! Пришли в военкомат.
Военные врачи на нас глядят.
Мы нагишом перед ними представляли,
Ремесленник, механик и студент,
И совершенно не подозревали,
Что это исторический момент.
Окончилась война! Окончилась война!
От смерти наша юность спасена.
Для тех, кто оперирует и лечит,
Для тех, кто нас осматривает тут,
Мы первые, кого не изувечат,
Мы первые, которых не убьют.
[1976, 1995, Т.2.С.72]
Мы первые, которых не убьют.
КОНЕЦ